

М. М. Макарецв
Институт славяноведения РАН, Москва

ОБРАЗЫ РОССИИ И ЕВРОПЫ У СЛАВЯН БОБОШТИЦЫ (ОБЛАСТЬ КОРЧИ, АЛБАНИЯ)¹

Настоящее исследование основывается на материалах, собранных в 2010 и в 2011 гг. в селе Бобоштица (албанск. *Boboshticë*, славянск. *Boboštica/Bobošćica*; округ Корчи, Албания). Сначала мы хотели бы представить контекст: исторический очерк социолингвистической ситуации и биографическую информацию о некоторых жителях села. Эти данные дадут нам основание для интерпретации места, которое Россия и Европа занимают в их модели мира.

Социолингвистическая ситуация

Неизвестно, когда славяне поселились на месте, где сейчас находится Бобоштица. Носители диалекта считают, что славяне живут в селе со времени царя Самуила и говорят, что до начала XX века село было однородным в этническом и языковом плане. Многие жители уезжали на заработки в Румынию, но ездили они туда без семьи и обычно возвращались. С 1880-х годов в селе действовала греческая школа, албанская школа открылась в 1917 г. Служба в церкви велась на греческом языке. В последние десятилетия XIX века местные просветители (о. Теодор Кочов (Икономо), Димитри Вердов, Димитри Цанцо) делали опыты перевода службы на кайнас, но это не стало церковной традицией. В настоящее время в селе нет священника, по воскресным дням и по праздникам приезжает священник из Корчи или из Тираны, и служба проводится на албанском языке.

В 1912 г. область Корчи (в том числе и село Бобоштица) вошла в состав новообразованного албанского государства. Славяне составляли большинство жителей села вплоть до середины XX века (по данным А. Мазона, относящимся к началу 1930-х гг., большинство из 187 хозяйств села были славянскими). После Второй мировой войны наступает резкое сокращение численности коренного населения за счет внутренней и внешней трудовой миграции — бобоштенцы (теперь уже целыми семьями) выезжали в крупные города Албании (прежде всего, в Корчу и Тирану, кроме того, в Дуррес,

¹ Работа выполнена по теме Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика».

Фиер, Шкодру и Эльбасан), но также и за границу. В этом не последнюю очередь сыграло сожжение села баллистами² в 1944 г.

Переехав на новые земли, бобоштенцы не забывают родного села. Для помощи односельчанам они организуют общества (албанск. *shoqatë*). Первое такое общество было организовано в Бухаресте в 1882 г. и называлось «Filloditurake “Boboshtar”». В 1894 году ему на смену пришло общество «Shoqëria Boboshtare». Целями этих двух обществ, как и организованного в 1905 г. в США «Lulëzimi» были экономическая помощь селу и строительство. Общество «Autonomia», основанное в 1894 г. в Софии, в отличие от перечисленных выше, имело прежде всего политические цели: освобождение от турок. Бобоштенские общества за рубежом играли важную роль в объединении бобоштенцев за рубежом, сохранении их традиций и связи с малой родиной³.

Во второй половине XX века происходит заселение освободившихся хозяйств арумынами. По оценкам С.Т. Дамко, в настоящее время только 42 семьи в селе — автохтонные жители⁴, 136 семей — переселенцы (в основном аромуны). Кроме того, в Корче живут 225 семей бобоштенского происхождения, в Тиране — 50, в Дурресе — 15, в Эльбасане — 10 (Там же, 156). Как среди аромунов, так и среди славян многие перешли на албанский язык, который является единственным официальным языком села и *lingua franca* для межэтнического общения, но если значительная часть аромунов всё же говорит на аромунском, то количество носителей славянского диалекта в селе — не более 6 человек, причем степень сохранности диалекта у них варьирует от достаточно высокой до фрагментарной, и все они двуязычны.

Славяне Бобоштицы называют себя как македонцами, так и болгарами и просто славянами, а свой язык — македонским/болгарским/славянским или *кайнас* [kajnas] ‘у нас’ или ‘как мы’. Мы будем использовать последнее обозначение, вслед за М. Куртьядом (Courthiade 1993). *Кайнас* является островным славянским говором с ограниченными коммуникативными функциями. Все носители языка, которые живут в селе, старше 70 лет, их дети и внуки, как правило, не знают его совсем, или же их знание пассивно. В то же время, многие албанизированные по языку славяне по-прежнему включают себя вместе со своими славяноязычными односельчанам в группу *djemtë e vajzat e Boboshticës* ‘сыновья и дочери Бобоштицы’ (т.е., автохтоны), которая противопоставлена аромунам. Здесь и далее при цитировании материалов по диалекту, опубликованных другими исследователями, или по рукописям, сохраняется орфография оригинала. К. Штайнке и Дж. Юллы

² Сторонниками *Balli Kombëtar*, Национального фронта Албании. Эта организация была основана в 1939 г. В 1943, после капитуляции Италии, подписала соглашение о сотрудничестве с Германией и совместно с Вермахтом проводила военные операции против партизан.

³ Информация о бобоштенских обществах представлена в экспозиции сельского музея. Мы также пользовались неопубликованными записками Эльпи Манчо.

⁴ Впрочем, бóльшая их часть уже не говорит на славянском диалекте.

также используют латинскую транскрипцию. Носители диалекта при записи используют албанскую орфографию. Для записи текстов на кайнас в своих полевых материалах мы используем латинскую транскрипцию, ударение отмечается подчеркиванием (если носители переходят на другой язык, используется соответствующая орфография).

Носители кайнас в Бобоштице

Наше исследование основано на интервью, проведенных в сентябре 2010 и мае 2011 г. с двумя носителями кайнас — Эльпи Манчо и Ильо Кунешкой (албанск. *Elpi Manço* и *Ilo Kuneshka*). Использованы также и интервью с другими жителями села, славяноязычными и албаноязычными автохтонами. Кроме того, используются публикации интервью с бобоштенцами и записок Ильо Кунешки, сделанные К. Штайнке и Дж. Юллы (Steinke, Ylli 2007: 337-359).

Эльпи родилась в Бобоштице в 1936 г., в семье учителя. В ее семье говорили только по-славянски, но под влиянием друзей и соседей в детстве и ранней юности Эльпи в основном говорила по-албански. Согласно ее рассказам, она активизировала кайнас только когда ей пришлось в течение трех лет ухаживать за парализованной матерью.

Ильо Кунешка родился в Бобоштице в 1925 г., также в семье учителя. Именно семья Кунешка помогала Андре Мазону во время его экспедиций в Бобоштицу в 1933-1934 г. В монографии А. Мазона (Mazon 1936: 257) есть две фотографии Ильо в возрасте восьми лет, а в (Mazon 1965: 67) приводится даже письмо Ильо, которое тот написал на бобоштенском диалекте своему старшему брату Сотиру в Париж в 1934 г. (Сотир получил стипендию для изучения физики во Франции при участии Мазона.) После демократических изменений в Албании Ильо записывали Л. Спасов (Спасов 2001), К. Штайнке и Дж. Юллы.

Поездки бобоштенцев за рубеж

Албанское правительство в первые годы после окончания Второй мировой войны и победы Национального фронта во главе с Энвером Ходжей направляло способную молодежь получать образование в крупные учебные, научные и промышленные центры стран, с которыми Албания поддерживала дипломатические отношения, прежде всего в Советский Союз, но также и в другие европейские страны. Бобоштенская молодежь того времени использовала эту возможность в полной мере. Большинство из тех, кто получил высшее образование (43 человека), сделали это за границей (25 человек — на основе данных в Dhamko 2010). Так, за рубежом получили образование двое братьев Эльпи — Тодор и Андреа. Тодор учился в Кракове на горного инженера в рудной Академии (*Akademia e minierave*), и там же работал некоторое время, пока не вернулся обратно. Андреа пять лет учился в Москве

на инженера по машинам, женился на русской по имени Люба Шишкина (Эльпи произносит это как [l'uba išiškina], с протетическим *i*, или, иногда, как [l'uba išiškinova]). Оба брата Эльпи заняли высокие посты — Андреа стал заведующим машиноимпорта Албании, а Тодора хотели сделать заместителем министра рудной промышленности, но он отказался, потому что считал, что его знания и опыт важнее всего в рудном деле. Поэтому он заведовал разработкой месторождения хрома в Бульчизе. Оба брата Эльпи достаточно часто ездили в зарубежные командировки, а старший брат — Тодор — даже ездил в отпуск за границу, и провел по месяцу в Индонезии и в Китае.

По рассказам Эльпи, Тодор вспоминал, что после войны Польша была очень бедной страной, в магазинах были только лук и чай. Поляки произвели на него впечатление как очень религиозные люди. Инженер-шахтер, он часто вспоминал о соляных шахтах Кракова: «I da odješe tamo, veđeše Todor, ti se rasipješe umo. Ikonizmje od sol', i kambanarija od sol', mnogo, mnogo, mnogo dobar, mnogo grad vet»⁵.

Также, как и Тодор, Андреа получил образование за рубежом — но не в Кракове, а в Москве, там он за пять лет (1948-1954) выучился на инженера по машинам. После этого он один год проработал инженером в Черкасах. Там было много машино-тракторных станций и многие албанцы после учебы проходили там практику. Поскольку со временем Андреа стал заведующим албанским машиноимпортом, он посетил много стран Европы и Китай.

По словам Эльпи, «Rusija davješe bad'ava se Shqipëria, Albanie. Kad činjeje marrëdhënje soj zemie, Rusija i puščeše, aj zemi tjeje, žoš este siromasi. Bez pare, bez niš»⁶. В отличие от России, остальные страны, с которыми Андреа вел переговоры, преследовали свою выгоду. Впрочем, статус «бедного родственника» был неприятен, особенно учитывая менталитет албанцев. Эльпи вспоминает, что когда Андреа был в Чехии в албанском посольстве и увидел, что у них самые плохие и старые машины среди всех посольств, то сказал: «Албания не должна позориться в центре Европы, вот вам деньги, купите новые машины».

И Ильо Кунешка, и вслед за ним его младший брат Кристач пошли по стопам старшего брата и в 1946 г. отправились получать высшее образование за границей: Ильо в Прагу, а Кристач в Краков (там он изучал металлургию). Заслуживает упоминания их дорога до университета и обратно. Ильо вспоминает, что до Черногории они ехали на автобусе, оттуда через Сараево до Белграда и затем до Праги (в каждом месте пересадки им приходилось довольно долго ждать возможности продолжить дорогу, иногда неделю). Албанские студенты, которые учились в Карловом университете

⁵ «И когда приходишь туда, говорил Тодор, у тебя голова идет кругом. Иконы из соли, и колокольня из соли, очень, очень, очень хороший, очень старый город».

⁶ «Россия давала всё Албании бесплатно. Когда эти страны вели переговоры, Россия давала: вот, возьми и это, потому что вы бедняки, не имеете ничего».

(вместе с Ильо в первый год приехало 20 албанцев) жили в общежитии с другими студентами из Восточной Европы. За все время между студентами из разных стран или между студентами и чехами не возникало никаких серьезных конфликтов, которые Ильо смог бы вспомнить.

Во время обучения Ильо и Кристач ездили домой только один раз, после четвертого курса, по распоряжению правительства, для проверки благонадежности. К этому времени Албания уже разорвала экономические связи с Югославией (1 июля 1948 г.), а в ноябре 1948 г. Первый съезд Албанской партии труда объявил югославское руководство «предателями» и «троцкистами». Как говорит Ильо, «*okam Serbija ne se rominjāše, oti nie rasipajme rabotite so Serbija <...> Tie se veruvaje ako odime okam Serbija, da ne ostanime tamo, da ne sakame komunizm albanski. Ama nie ne imejme toj vo um, toko ajde, šo da storime*»⁷. Поэтому им пришлось ехать на поезде до Будапешта, оттуда до Бухареста и далее до Констанцы. Из Констанцы они добирались до Дурреса на пароходе (через Стамбул и вокруг всей Греции). После этого им разрешили закончить обучение, и в 1951 году они вернулись в Албанию окончательно.

Из Праги Ильо ездил к Кристачу в Кракове, и тогда же он смог заехать еще к одному другу из Корчи, который учился во Вроцлаве. Албанское правительство платило им ежемесячную стипендию, так что студенты, хотя и жили небогато, но ни в чём не нуждались и могли себе позволить есть в ресторанах на бульварах.

Европейские города, которые ему удалось увидеть (прежде всего Прага, но также Краков и разрушенный во время войны Вроцлав) не очень его удивили, ни своей архитектурой, ни размерами, хотя он и приехал из далекого горного села, где все дома были не выше двух этажей: «*Ne b'ēše nešto novo*»⁸. И после этого Ильо перевел разговор на чехов. По его воспоминаниям, «*čehoslovacite ese dobri l'udi. Ne se čuvi nikojpat da se kare, da se grize. <...> Po gazetite, po novinite ne se ču šo se iskradi na kašta vo selo ili ne... nikojpat ne se čuvi. Poščani ese, dobri ese*»⁹. В то же время, за всё время обучения Ильо так и не подружился близко ни с кем из местных жителей. Ильо описывает чехов как людей вежливых, но немногословных и замкнутых. Когда мы через некоторое время вновь спросили Ильо о том, какое впечатление на него произвела Прага, то он вновь перевел разговор на людей — то, что он хорошие, вежливые и спокойные.

Так же лаконично он рассказывал и о других европейских городах, которые ему удалось посетить — о Белграде, Берлине, Будапеште, Бухаресте, Вроцлаве, Констанце, Кракове и Сараеве. В его изложении

⁷ 'через Сербию нельзя было проехать, потому что мы разорвали отношения с Сербией. Они считали, что если мы поедем в Сербию, то как бы мы там не остались, мол, вдруг нам не нравится албанский коммунизм. У нас ничего подобного на уме не было, только что делать'.

⁸ 'Ничего нового'.

⁹ 'Чехословаки хорошие люди. Не услышать, чтобы кто-нибудь поссорился, поругался. В газетах <имеются в виду чехословацкие газеты — М.М.>, в новостях не слышно было, чтобы кто-нибудь обокрал дом в селе или... Никогда не было слышно. Вежливые, хорошие'.

города — это не «миры в себе», а пункты на географической карте, которые имеют ценность или потому, что там в какой-то момент жили близкие ему люди (Вроцлав, Краков), или в силу своих ресурсов (Берлин, Будапешт и отчасти Прага, куда он после окончания обучения ездил за деталями для машин), или как элементы транспортной сети¹⁰.

Иностранцы и иностранная культура в Бобоштице

В послевоенное время страной, оказавшей наибольшее влияние на ход событий в Албании, был Советский Союз. Даже после разрыва отношений в 1961 г. именно Советский Союз сталинского времени был тем образцом, которым руководствовался Энвер Ходжа. Поэтому СССР (Россия) занимал важное место в картине мира албанцев до демократических изменений в конце 1980-х гг. Благодаря тому, что даже после разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом албанская система образования и основные программы сохраняли базу, заложенную за двадцать лет албанско-советской дружбы (если, конечно, исключить обличения «советско-югославского ревизионизма» и постулат об Албании как единственной в мире подлинной социалистической державе, верной идеям Ленина-Сталина), албанские школьники и студенты вплоть до демократических изменений в Албании учили русский язык и русскую литературу (подробнее см. статью А.А. Новика в настоящем сборнике).

Интервью с одним из носителей бобоштенского диалекта, с которым нам удалось поговорить, представляет «архетипический» образец албанского восприятия России. Рико Богдани (примерно одних лет с Эльпи Манчо)

¹⁰ Это отличает его от многих других жителей Балкан, с которыми мы говорили о европейских или русских городах. Внимание к архитектурным особенностям, собраниям произведений искусства, культурной жизни — универсальная черта интеллигентного человека, и вряд ли здесь можно увидеть балканскую специфику, но есть вещи, которые прекрасно показывают особенности модели мира. Так, большинство из тех, с кем мы говорили, отмечало, что русские города производят на них впечатление своим пространством и объемом: широкими улицами, высокими зданиями. Большие расстояния — характерная черта многих европейских городов, в том числе и русских. «В Скопье я успевала посетить по десять мест за день и сделать десять разных дел, а в Москве, пока я доеду из одного места в другое, уже проходит полдня», — рассказала нам одна македонка. Албанец, который пять лет проработал в Лондоне строителем, сказал, что город подавлял его своими размерами. Несмотря на то, что на автобусах дорога от места, где он жил, до работы, занимала три часа времени в один конец, он ни разу за все пять лет не пробовал проехать на метро, потому что боялся потеряться. Впечатление производит и иной рельеф: «Здесь нам очень не хватает гор», неоднократно говорили мне друзья и коллеги из балканских стран (Болгария, Македония, Албания) в Варшаве, Лейпциге, Москве и Париже. В летнее время жителей Балкан удивляет продолжительность дня в городах Центральной и Северной Европы (то, что в Москве может быть светло в одиннадцать часов вечера — не говоря уже о белых ночах в Санкт-Петербурге). В зимнее время настоящий шок вызывает низкое положение солнца на горизонте. В декабре многие мои коллеги из Албании и Македонии, с которыми мы встретились в Торуни (Польша), говорили, что умом они осознают, что солнце «едва отрывается от горизонта», но понять и принять этого они не могут.

родился в Бобоштице в смешанной албанско-славянской семье: отец был албанец из Корчи, мать — славянка из Бобоштицы. Работал учителем в начальной школе в селе, а также один год — в селе Пустец в Преспе. Кайнас он помнит фрагментарно, путает времена, вставляет много албанских слов. Начали мы разговор на кайнас, но потом перешли на албанский. Сейчас он на пенсии. Он узнал от соседей, что в село приехал исследователь из России и сам пришел к нам знакомиться. Он сказал, что в селе его называют «русским», поскольку он очень любит русских, и в особенности Ленина. Читал наизусть «Широка страна моя родная» на русском языке. Впрочем, Сталина и Ходжу он не любит. Его дядя по матери был расстрелян без вины при Ходже. Он сказал: «Sporti në Rusi është shumë i zhvilluar dhe Ruset janë njerëz shumë të mirë»¹¹. Для него, как и для многих албанцев, СССР/Россия ассоциируется с русским языком в школе, стихами и песнями, историческими деятелями советского периода российской истории и спортом.

Дополнительным элементом является «славянская идея». Как сказал нам Ильо Кунешка, «Jas bi sakal da odaj tienta vo Rusija da vida. Tazi e majka mi. Majkata naša Rusija esti. <...> Šćerkata od Rusija esti Bulgarija, i një esme vnuçite od Rusija»¹². Впрочем, это единственный такой пример, и не исключено, что такие взгляды сложились у Ильо во время обучения в послевоенной Праге.

Отношение к России и к русским у Эльпи Манчо гораздо сложнее, потому что семья Манчо — одна из многих албанских семей, в которых были русские жены. Еще во время обучения в СССР Андреа Манчо, второй брат Эльпи, познакомился с русской девушкой, Любой Шишкиной. Они жили в одном общежитии, хотя и учились в разных институтах: он на инженера-техника, а она на метеоролога. В первый раз он приехал домой без нее и очень тосковал: сидел у стола и пел «Подмосковные вечера». Мать спросила его, почему он так грустит: если он оставил в Москве любимую девушку, то ему надо уехать туда и жениться на ней. И в следующий свой приезд он женился и привез ее в Бобоштицу. Как рассказывает Эльпи, в СССР одном и том же номере газеты появилось два сообщения: о приезде группы албанских инженеров во главе с Андреа Манчо и о том, что вышел указ, разрешающий гражданам Албании жениться на иностранках. И Люба пришла прямо в гостиницу к Андреа, с этой газетой в руке. Выход замуж за иностранца потребовал колоссальных жертв. Люба должна была отправиться в неизвестность, в страну, языка и культуры которой она совершенно не знала, причем пути назад практически не было.

На три года, когда Андреа стал атташе по внешней торговле в албанском посольстве в Советском Союзе, они с Любой вернулись в СССР — там же родились их дети, Спартак и Наташа. Имя их дочери —

¹¹ 'В России очень развитой спорт и русские очень хорошие люди'.

¹² 'Когда-нибудь я бы хотел ненадолго поехать в Россию. Это моя мать. Россия — наша мать. Болгария — ее дочь, а мы — внуки России'.

русское, но и имя сына было выбрано под влиянием впечатлений, полученных Андреа в Советском Союзе: будучи студентом, он занимался спортом на базе команды «Спартак» и позже болел за эту команду. Дети знали русский, но в их семье в основном говорили по-албански. Люба выучила албанский довольно быстро, хотя, по словам Эльпи, у нее были проблемы с ударением (албанск.: *me theksi*). Она переводила на албанский с русского гидрометеорологические материалы.

28 марта 1965 г., накануне командировки в США, Андреа арестовывают по доносу. После ареста Андреа предал его друг — их посадили в одну камеру, и тот выпросил у Андреа всю подходящую для обвинения информацию. Другу грозило 25 лет, но он вышел уже через три месяца, а Андреа расстреляли по обвинению в саботаже. На самом деле, как предполагает Эльпи, дело было в том, что незадолго до ареста Андреа отправил Энверу Ходже письмо с критикой отдельных сторон албанской действительности. Это вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим: в Албании того времени официально поощрялась критика курса руководства как своего рода «голос народа» — но всех, кто это делал, брали на особый контроль в органах государственной безопасности (*Sigurimi*). О том, что Андреа был расстрелян, семья узнала только в конце «нулевых» — до этого времени у них не было никакой информации. Эльпи так подводит черту под этим периодом албанской истории: «*Telka budali ese sija našiti, telka budali ese, šo i studjoje sija l'udi, ardžeje pare, val'ute, i ubije kot se koti!*»¹³. В большой комнате на первом этаже дома Эльпи висит фотография Андреа, сделанная в Москве — на ней он широко улыбается, а на голове у него русская меховая шапка, которую он купил в Черкасах.

Любу вместе с детьми отправили в ссылку в небольшой населенный пункт Адриатик (*Adriatiku*), неподалеку от маленького городка Мамураз на юг от Влёры. Как рассказывала Эльпи Люба, при обыске полицейские забрали ее драгоценности и взломали стену квартиры в поисках ценностей. Счет в банке, на котором были приличные по тем временам деньги, был закрыт, а деньги переданы в пользу государства. Осталась только небольшая сумма, которую Андреа и Люба перевели на имя своих детей до ареста. Только после демократических изменений в Албании Любу выпустили из ссылки и предоставили ей квартиру в Тиране. У Любы была возможность съездить в Москву в начале девяностых, но она отказалась: «А что, если Андреа приедет, а меня здесь нет?». Она умерла несколько лет назад. В Москве остались русские родственники Любы, но с ними нет никакой связи, и Эльпи не знает, что с ними сейчас.

В селе были и другие русские жены: Мария и Зоя. Мария тоже была отправлена в ссылку. И только Зоя (ее, единственную из трех, в селе считали советским шпионом) смогла вовремя вернуться в Ленинград, избежав албанской репрессивной машины.

¹³ «Такие дураки эти наши, такие дураки, сколько учились эти люди, тратили деньги, валюту, и их всех убили безо всякого смысла!»

Как говорит Эльпи, «L'uba bije, i svjete žene slave <...> i ruskete, tvarde od karakter, žene tvarde. Neve i themi trime këtej gra, gra trime. Domëthënë, L'uba gu imješe sobreno, sobrano umo»¹⁴.

Знакомство с русской культурой не носило исключительно личностный характер. Эльпи вспоминала многие русские песни, которые знают и поют в селе: «Подмосковные вечера», «Очи черные», «Катюша», «Калинка». Эти песни вошли и в репертуар профессиональных певцов Корчанской долины, и они поют их на праздниках, торжествах и вечеринках. По ее словам, «ese pjesne, mu velime nje, sho ti krenve, krene»¹⁵.

Афэрдита, племянница Эльпи (она владеет только албанским языком, хотя и немного понимает кайнас), рассказала, что очень любит Пушкина (хотя читает его в албанском переводе), и даже прочитала наизусть несколько стихотворений: «Цветок засохший, безуханный...», «Я вас любил, любовь еще быть может...» и еще несколько из наиболее известных. Из запомнившихся им русских произведений и Афэрдита, и Эльпи в один голос назвали «Войну и мир» и «Анну Каренину» (читали они их в албанском переводе). В Бобоштице, как и по всей Албании, известны и другие русские авторы. Когда автор этих строк представлялся: «Unë qihem Maksim edhe jam kërkues shkencor nga Rusia», бобоштенцы обычно продолжали: «Maksim Gorki?»¹⁶.

Родной язык и иностранные языки

Весьма «балканской» чертой представляется большое количество языков, на которых говорили и говорят бобоштенцы. Тодор Манчо говорил по-польски, по-русски, по-итальянски, по-французски. Во время итальянской оккупации он разговаривал с итальянцами, причем не на литературном языке, а на неаполитанском диалекте. Итальянский и французский он выучил во Французском лицее в Корче, а польский и русский — в Кракове.

Ильо Кунешку с самого раннего возраста отличала исключительная любовь к учению, в особенности к изучению иностранных языков. В детстве он выучил греческий язык, поскольку он родился в семье учителя в греческой школе. Во время Второй мировой войны, когда в селе были расквартированы итальянские солдаты, он продавал им ракию и понемногу выучил итальянский. Позднее специальные занятия и чтение литературы позволили ему выучить итальянский до такой степени, что он смог вести на нем деловые переговоры, когда был в ГДР. Во Французском лицее в Корче он выучил французский. Любовь к этому языку и ко французской культуре он пронес через всю жизнь, хотя у него не было возможности

¹⁴ Люба была, как и все славянки, тверда характером. Они твердые женщины. Мы таких женщин называем мужественными, мужественные женщины. То есть, у Любы был дисциплинированный ум'.

¹⁵ «Это песни, которые, как мы говорим, трогают».

¹⁶ «“Меня зовут Максим и я научный исследователь из России” — “Максим Горький?”».

поехать во Францию. До сих пор раз в месяц он ездит в Корчу во французскую библиотеку и берет на дом 3-4 книги на французском языке.

Примечательно, что у Ильо исключительно редко возникали проблемы с коммуникацией. «<Znĕjĕte ĉekiřt?> Niřto nĕ znĕjĕme. <I kako zborvĕjĕte?> Pa taĕa... So poleĕka. <So poleĕka ama na koj jazik, na frenski?> Nĕjĕ, nĕjĕ, nĕjĕ. Nĕ otidojĕme o pozno tamo vo skolje tamo. I ĉuvajĕme profesoro, maĕlko razbervi, toĕo imĕjĕše knjigĕte, so erĕkoja μαθήμα, leĕon <...>. I taĕa, ĉuvejĕme neřto, piřejĕme řo, řo soj da reĉe, toĕo vo teknikata nema mnogo zborovi, ese svi evropski ĕimin'a, i taĕa, si poĉnajĕme. Prvata godĕna samo dve εξετάση. Εξετάση velĕme nĕ provim. Kĕřtu qĕ <...> me upĕtvi řta... řakam da znam kaĕo ke řtara... kaĕo ke mořa da qarosam toz eksetas, soj provim. Beře gjeometria deskriptĕve. Toĕo taz gjeometria ĕma poveĕke decenii od řto zborovi»¹⁷. Экзамен по начертательной геометрии Ильо сдал одним из лучших на курсе, при том, что в основном с ним учились чехи и словаки. Конечно, после возвращения в Албанию у Ильо не было возможности практиковаться в чешском — он вернулся в Чехословакию только один раз, после разрыва отношений с Советским Союзом, когда руководство трикотажной фабрики, на которой он работал, отправило его на закупки необходимого оборудования, а после этого до настоящего времени он не имел никакого контакта с чешскоговорящей средой.

Во время обучения в Карловом университете у Ильо практически не было возможности говорить на родном языке, хотя он и писал письма домой довольно часто. Однако писать приходилось по-албански, а не на кайнас, потому что таково было требование цензуры: личная переписка в Албании перлюстрировалась.

По дороге в Чехословакию и обратно Ильо также не испытывал никаких проблем в коммуникации. В Югославии он мог легко объясняться с местными жителями — благодаря родному языку. В Румынии он говорил по-французски, а в Венгрии он объяснялся, используя понемногу все языки, которые он знал.

Разрыв отношений с Советским Союзом в декабре 1961 года нарушил систему экономических связей, в которой существовала послевоенная Албания. Ильо вспоминает, что как раз когда отношения между Албанией и СССР начали ухудшаться, в Корче открыли трикотажную фабрику, куда советская сторона прислала 40 000 деталей для сборки машин. После политического разрыва советская сторона отказалась участвовать в работе фабрики и отозвала своих специалистов. Во всей Корче не нашлось нико-

¹⁷ «<Вы знали чешский?> Мы ничего не знали. <И как же Вы говорили?> Ну так... Потихоньку. <Потихоньку, только на каком языке, на французском?> Нет, нет, нет. Мы приехали туда, в университет, поздно. И слушали профессора. Мы понимали мало, но у нас были книги, с каждым μαθήμα [уроком], leĕon. И вот, мы слушали, писали, что он говорил, только в технике не много слов, и это всё общеевропейские слова, и так мы и начали. В первый год у нас было только два εξετάση. Εξετάση это экзамен. И вот, он меня спрашивает: как я сделаю... как я решу это задание. Это была начертательная геометрия. Только в начертательной геометрии больше формул, чем слов'.

го, кто смог бы понять, как собрать машины из деталей и заставить их работать. Тогда руководство фабрики обратилось к Ильо, который работал на машино-тракторной станции. Используя руководства (на русском языке), он смог понять, как собираются и работают машины, и вместе с помощниками за короткий срок подготовил технологическую линию.

Однако части узлов все равно не хватало, и тогда руководство фабрики командировало Ильо для покупки недостающих элементов в Венгрию, Чехословакию и ГДР. Необходимое оборудование нашлось в ГДР, но здесь впервые он столкнулся с коммуникационной проблемой: «Nemcīte ne sakam, ġermancīte ne sakam ič. “Pa, šo jazik znaete”, mi rekoje. “Pa, vje ščo znaete. E, pa rekoj ja, francuzki, ruski...” Tie sviā ščo bġaje od Iztok, rusite ne i sakaa. Ne ti francite ne sakat. <Češki? Šo češki ne zborvġeje?> Nġā, nġā, ne zborvġaje češki. Ne sakat tje slavski jazici. Ne znat da učat»¹⁸. Поэтому Ильо пришлось с ними разговаривать на итальянском. Интересно, что Ильо интерпретирует незнание языка как нежелание учить его.

Самая яркая особенность в восприятии Европы (соотв., России) у носителей славянского диалекта Бобоштицы — полное отсутствие мифологической основы. Города Европы — это точки на карте, которые получают свою индивидуальность за счет живущих или живших там друзей и родственников бобоштенцев, за счет своих ресурсов или в силу того, что они являются узловыми центрами маршрутов, но не в силу их принадлежности к области своего или чужого. Возможно, это связано с тем, что Бобоштица воспринимается в качестве своеобразного центра системы отчета, а живущие в ней носители языка и традиций в качестве хранителей этого центра. Базовые оппозиции и модель мира никак не участвуют в формировании образа той или иной европейской страны или города. Представления бобоштенцев о России и Европе во многом совпадают с общеалбанскими, что связано с их образованием и воздействием албанских средств массовой информации. В то же время, парадоксальным образом некоторые бобоштенцы ощущают себя гораздо ближе к Европе, чем многие албанцы из городов, поскольку они и их родственники получали там образование и ездили туда в командировки, а также в силу родственных связей.

Литература

Спасов 2001 — Љ. Спасов. Говорот на Бобошт(шч)ица денес (врз основа на нов снимен материал) // XXVII Научна Конференција на XXXIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001. С. 227-231.

¹⁸ ‘Немцев я не люблю, германцев совсем не люблю. “Ну, какой язык вы знаете”, говорят они мне. “А вы какой? Я-то, говорю, знаю французский, русский...” Они все — из Восточной Германии, русских не любили. И французов тоже <А чешский? Почему вы не говорили на чешском?> Нет, нет, они не говорили по-чешски. Они не любят этих славянских языков. Не умеют учить’.

Courthiade 1993 — M. Courthiade. Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, VI. P. 237-326.

Dhamko 2010 — S.Th. Dhamko. Boboshtica. Historie. (Një variant.) Boboshtica, 2010 (рукопись).

Mazon 1936 — A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques – V.)

Mazon 1965 — A. Mazon, M. Filipova-Bajrova. Documents slaves de l’Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d’études Balkaniques – VIII)

Steinke, Ylli 2007 — Kl. Steinke, Xh. Ylli. Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München, 2007.

Maxim Makartsev

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Image of Russia and Europe at the Slavic minority in Boboshtica (district of Korcha, Albania)

The article is based on the data (oral narratives and written memoria), collected in 2010 and 2011 in Boboshtica (Alb. *Boboshticë*, Slavic *Boboštica/Boboščica*), Rrethi i Korçës, Albania. The Slavic population of the village refer to themselves as Macedonian/Bulgarian and call their dialect *kajnas* ‘at/of ours’. We use the same term. This population has strongly declined during the second half of the XX century. Nowadays there are only 6 native speakers of Kajnas in the village, all of them older than 70 years old, bilingual (Kajnas and Albanian), and their knowledge of Kajnas can differ from very fluent to basic. The majority of the population in the village is Aromanian, and there are some Albanians as well.

The very specific thing about this village is that a significant number of its dwellers studied and/or made careers both in Albania and in other countries.

Our interviewees were Ilo Kuneshka and Elpi Manço. Ilo is an engineer, he has graduated from the French Lyceum and lived and worked in Chekhoslovakia for many years. Elpi’s elder brother Todor was also an engineer and he studied in Kraków, in Poland.

The acquaintance of the people of Boboshtica with Europe (including Russia) is based on their own experience and friends’ and family members’ stories. A brother of Elpi Manço’s was married to a Russian called L’uba Šiškina, which resulted (as it was used to happen at that time) in their imprisonment and later him being killed on a false accuse. Elpi describes their life together before the arrest and after L’uba was internated to a camp called Adriatiku.

Europe and Russia are very familiar to the people of Boboshtica and they tend to associate different countries and cities with their family members, neighbours and friends, who worked and lived there.

Published in: *Никифоров К.В., И.А. Седакова (ред.). Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи. Доклады российских ученых к научному colloquium Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (Варшава, 7-9 ноября 2011 г.). Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 58-69.*